

## Чапай

Праздничным днем Победы, ближе к вечеру, когда утомонилось праздничное торжество, по улице Красноармейской в сторону братской могилы шел худощавый пожилой человек в странной гимнастерке, брюках галифе, начищенных яловых сапогах, в картузе старого покроя, с усами как у Буденного. А главное, что привлекало людей, это награды на его груди. На левой стороне – ордена и медали со звездами Великой Отечественной войны, а на правой – награды с крестами Первой мировой. Он подошел к братской могиле, сел на лавочку, достал чекушку водки, выпил и закусил куском черного хлеба. Потом тихо запел старинную песню, смахнул слезу, поклонился в пояс погибшим солдатам и пошел домой. Это был Чапай, солдат двух мировых войн.

В городе он работал конюхом, а когда ушел на пенсию, стал пастухом городского стада коров. Чапаем его прозвали за красивые усы. Коров выгоняли на пастбище, которое называлось ямы. Туда приходил Чапай со своим великолепным кнутом. Для нас мальчишек этот кнут был большой радостью, каждому хотелось откинуть его назад, потом с силой подать вперед и резко подсечь, чтобы раздался громкий хлопок, сопровождающийся эхом. Для ребят это создавало большую радость. Иногда Чапай кому-нибудь из ребят даст кнут и скажет: «А ну-ка вон ту пеструю загони в коммунистическое стадо, а то уйдет за кордон». И тогда мы хватали кнут и бежали за коровой, которая отстала от стада. Чапай был человеком не таким, как другие ветераны, которых приглашали на пионерские сборы в школах. Его люди считали причудноватым, иногда над ним подсмеивались. Какой-нибудь интеллигентный чистоплюй крикнет в его сторону: «Эй, Чапай, с коровами траву щипай», но Чапай не обижался, не обращал на него внимания. Зато городские ребята любили и уважали Чапая.

Рассказывать про войну он не любил. Когда его спросили, чем отличается 1-я мировая от 2-й мировой, он, задумавшись, отвечал: « В Первую мировую авторитетом героизма были офицеры, а во второй – простые солдаты».

Иногда Чапая просили сходить в ночное с табуном городских лошадей. В это время ребята, чьи родители держали лошадей, могли тоже со своими конями поехать вместе с Чапаем. У нас тогда был мерин, серый в яблоках, по кличке Сокол. И я с большим удовольствием, сядясь верхом, сопровождал вместе с другими ребятами городской табун на пастбище около леса. Приехав к месту, на заливной луг у леса, мы спутали лошадям передние ноги и пошли

собирать сухие ветки для костра. Чапай пошел посмотреть удобное место, чтобы следить за лошадьми.

Все уселись вокруг костра, который выкидывал свои искры в ночную темноту, осыпая золу, в которой уже пеклась картошка. Все сидели, глядя в костер, и ждали, когда заговорит Чапай. Чапай понимал, что его заранее уже слушают, покрутил пальцами усы и заговорил.

«Дул холодный осенний ветер, поднимая опавшую листву, кружил ее над землей. Возле бревна раздул тлеющую головешку, и появился огонек. Ветер возгордился, что он холодный, а раздувает огонь горячий. Заметил человека, который шел по дороге, и полетел на него, чтобы застудить. Человек сильнее натянул на голову шапку и поднял воротник, потом заметил маленький огонек, подбросил в него побольше сухих веток и сел на бревно. Разгорелся костер, который согрел вокруг себя воздух. Человек долго глядел на костер, протягивая к нему замерзшие руки. Когда костер стал затухать и остался небольшой огонек, он встал и пошел дальше. Ветер подлетел к огоньку и спросил: «О чем ты разговаривал с человеком?»».

– Он мне рассказал очень большую интересную тайну.

– Расскажи ее мне, – говорит ветер, – я разнесу ее по всему свету.

– Нет, – говорит огонек, – мы с ним стали большими друзьями. И затух.

«Да, – подумал ветер, – стоит обогреть человека своим теплом, и он раскроет тебе душу».

Чапай внимательно посмотрел на ребят, затем перевёл взгляд на костер и стал рассказывать дальше.

На родной земле перед границей росла береза, белоствольная кудрявая красавица. И она всем говорила: «Из-за границы придет человек, обнимет, поцелует меня как родную». И действительно, пройдя границу, на родную землю ступил солдат с вещевым мешком за плечами. Встал на колени и начал целовать землю. Береза возмутилась: «Я красавица, вся белоснежная, а ты, земля, грязная, пыльная, а он тебя целует». «Да, ты красавица, – сказала земля, – а я-то кормилица».

В жаркий знойный день у дороги стояло развесистое дерево, под кроной которого была прохладная тень, где можно было отдохнуть, полежав на траве. По дороге шел человек, изнывая от жары. Прошел мимо дерева и подошел к роднику, встал на колени и стал жадно пить воду. Потом снял рубашку, смочил себя и одежду водой, поклонился в пояс и пошел дальше.

Дерево возмутилось: «Я людям даю такую прохладную тень, а он кланяется воде». «Ты, дерево, даешь тень, а я – жизнь», – сказала вода.

Среди луговых цветов – васильков, ромашки, клевера – лежала грунтовая дорога. Рядом с ней люди сделали дорогу из камня, привезенного из дальних мест. Только на лошадях с подводами продолжали ездить по грунтовой дороге. Каменная дорога говорит грунтовой: «Я такая крепкая и прямая, а люди только по тебе ездят». «Ты грубая, жесткая, чужая, а я легкая, добрая, родная», – ответила грунтовая дорога».

После рассказов достали из костра печеную картошку, на чистом мешке разложили хлеб, огурцы, сало, лук, вареные яйца. Поужинав, Чапай расстелил свой плащ и лег отдохнуть, положив руку под голову. А мы до утренней зари сидели у костра, рассказывая о разных своих приключениях.